

Чжэнь Цюн на этот раз отправился на тренировочный плац, а не во дворец, поэтому Хань Мяо не смог последовать за ним. Предполагая, что взрывчатка получит одобрение императора, Хань Мяо, хотя и оставался несколько обеспокоенным, не был так тревожен, как три дня назад. Однако спустя несколько часов, когда Чжэнь Цюн вернулся в усадьбу, он снова удивил его. Мало того, что карета была заменена на императорскую, так еще и появились несколько охранников, одетых как императорские гвардейцы.

— Как осмелились вы, господа, утруждать себя сопровождением? — Хань Мяо подавил внутреннее удивление, подошел с улыбкой и поклонился.

— Господин Хань, вы слишком любезны. — Ведущий охранник с интересом посмотрел на Хань Мяо и только потом ответил. — Государь приказал нам защищать даосского наставника Чжэня. В ближайшее время нам, вероятно, придется потревожить ваш двор.

Оказывается, их задача не ограничивалась сопровождением домой, они должны были остаться для охраны? Хань Мяо прищурился, но улыбка не покинула его лица:

— Я сразу же распоряжусь подготовить боковой двор. Благодарю вас за ваши усилия.

— Мяо-гэ, не беспокойся. Я уже спросил, их жалование выплачивается императорским двором, так что это не будет стоить нам денег, — Чжэнь Цюн, совершенно не замечая подводных течений, радостно сказал.

Уголок рта Хань Мяо дернулся, и он схватил Чжэнь Цюна за руку. Охранники, однако, не обиделись, лишь с уважением улыбнулись даосу.

Хань Мяо немедленно распорядился устроить «почетных гостей», а затем повел Чжэнь Цюна во внутренние покои.

С облегчением вздохнув, он спросил:

— Сегодняшняя аудиенция прошла хорошо?

— Очень хорошо! — Чжэнь Цюн сразу же оживился и начал рассказывать о том, как взорвал земляной холм. Как пыль взметнулась в воздух, как холм обрушился наполовину. Как люди были настолько напуганы, что не могли стоять на ногах, а один министр даже прикусил язык.

К счастью, в конце он не забыл добавить:

— Государь сказал, что хочет создать новое Управление вооружений и предложил мне возглавить производство взрывчатки. Но я, конечно же, отказался. Тогда он изменил предложение, сказав, что я могу быть консультантом, и даже назначил жалование.

Если бы у этого самодовольного молодого человека был хвост, он бы наверняка уже задрал его к небу.

Хотя его рассказ был сумбурным, Хань Мяо уловил суть:

— Государь очень ценит эту взрывчатку?

— Конечно! — энергично кивнул Чжэнь Цюн.

Хань Мяо, однако, не разделял его радости. Подумав, он вдруг спросил:

— Государь не предложил вам резиденцию или переезд во дворец?

Создание Управления вооружений — это серьезный шаг, а предложение Чжэнь Цюну «возглавить» его показывает, насколько император ценит его. Вероятно, рецепт взрывчатки будет «засекречен». Если так, почему бы не выбрать храм или резиденцию для Чжэнь Цюна, чтобы он мог жить там, или даже пригласить его во дворец?

Чжэнь Цюн фыркнул:

— Государь предложил мне стать настоятелем дворца, но какой храм может сравниться с твоим домом? Я уже сказал Государю, что мы с тобой любим друг друга и не хотим разлучаться.

Что? Хань Мяо был настолько удивлен, что его голос поднялся на две октавы:

— Ты сказал это Государю?

Он признался Хань Ци, чтобы тот защищал Чжэнь Цюна. Кто бы мог подумать, что Чжэнь Цюн окажется еще более прямолинейным и откроет все перед самим императором!

Заметив, как изменилось выражение лица Хань Мяо, Чжэнь Цюн поспешил схватить его за руку:

— Мяо-гэ, не волнуйся. Это наше личное дело. Государь великодушен, он не обратит на это внимания. Вот, он даже подарил мне вещи.

Действительно. Не только позволил этому даосу не переезжать в храм, но и выделил охранников для защиты. Хотя в этом есть и элемент наблюдения, с такой каретой и императорской охраной, кто в Восточной столице осмелится причинить Чжэнь Цюну неприятности? Забота Государя действительно трогательна. Однако Хань Мяо не чувствовал особой радости от этого. Выбор Чжэнь Цюна заставил его сердце сжаться.

Спустя долгое время Хань Мяо тихо сказал:

— Если бы ты переехал в храм, ты мог бы открыть свою алхимическую лабораторию, набрать учеников и основать свою школу. Разве это не было бы твоей мечтой?

Мечта Чжэнь Цюна — основать свою школу, и храм мог бы помочь ему достичь этой цели. Кто бы мог подумать, что он откажется и вместо этого откроет свои чувства перед императором и министрами, заявив, что хочет быть с Хань Мяо. Как мог Хань Мяо не растрогаться?

А? Чжэнь Цюн действительно не думал об этом. Оказывается, стать настоятелем дворца можно было и так? Но, посмотрев на тронутое выражение лица Хань Мяо, он кашлянул и твердо сказал:

— Основать школу я смогу и позже. Ты же сам говорил, что нельзя легкомысленно принимать должности. У нас есть деньги, выгоды, и мы можем жить вместе. Разве это не лучше?

К тому же, он уже сказал это, и теперь император знает, что ты мой человек. В будущем, если будут награды, возможно, они будут даваться и «семье»? Разве это не позволит тебе тоже получить свою долю?

Эти маленькие мысли Чжэнь Цюн никому не рассказывал!

Хань Мяо с трудом сглотнул, но сказал:

— Хорошо, почему бы и нет? Ты все же даос. Если из-за меня пострадает твоя репутация, это будет препятствием...

— Какое препятствие? — Чжэнь Цюн махнул рукой. — Это как с великим генералом.

Талантливый и богатый, чего бояться сплетен?

Едва он это сказал, как Хань Мяо замер:

— С великим генералом? Каким генералом?

Ой! Чжэнь Цюн запнулся, заикаясь:

— Ну, это тот генерал, у которого были личные отношения с императором... Я слышал это из народных преданий!

Хань Мяо наконец понял:

— Это Дун Сянь? Он был назначен великим маршалом, но не генералом.

История Дун Сяня и императора Ай-ди широко известна, и именно из-за нее появилось выражение «разорванный рукав». Однако, услышав, как Чжэнь Цюн упоминает эту пару, Хань Мяо сжал его в объятиях.

— Ты любишь меня настолько, что даже отказываешься от императорских наград. Как Дун Сянь может с тобой сравниться?

Самые могущественные силы в мире не смогли поколебать этого даоса, и Хань Мяо почувствовал, будто выпил нектар, а сердце его наполнилось медом. С таким спутником, чего бояться сплетен?

Убедившись, что его слова не вызвали подозрений, Чжэнь Цюн с облегчением обнял Хань Мяо за талию:

— Ты хорошо ко мне относишься, и я тоже буду хорошо относиться к тебе.

Эти слова были немного глуповатыми, но искренними и трогательными. Легко поцеловав Чжэнь Цюна в лоб, Хань Мяо внутренне решил. Больше скрывать это не стоит.

Днем Хань Мяо отправился в новую усадьбу верхом на лошади. Сойдя с коня, он собрался с духом и направился в главный двор.

Старая госпожа Хань только что закончила практиковать искусство даоинь и, увидев старшего внука, обрадовалась:

— Мяо-эр, что привело тебя сюда? Я велю приготовить ужин. Сначала выпей чаю...

Ее слова еще не закончились, как Хань Мяо поднял подол одежды и опустился на колени:

— Внук не достоин, у меня есть дело, о котором нужно сообщить бабушке.

Редко видя Хань Мяо таким серьезным, старая госпожа Хань испугалась:

— Что случилось? В семье произошло что-то?

Увидев испуганное выражение лица бабушки, Хань Мяо глубоко вздохнул:

— Внук недостойн, я люблю мужчин. Боюсь, что не смогу продолжить род Хань...

Его голос был полон тяжести. Как старший внук, Хань Мяо с рождения был объектом больших надежд старших поколений. Он всегда был образованным и воспитанным, усердно учился, надеясь однажды взять на себя семейное дело. Кто бы мог подумать, что случайно у него появится такая склонность. Раньше Хань Мяо не раз думал, что, возможно, он сможет жениться, завести детей и успокоить бабушку. Однако теперь он влюбился в человека, и эта мысль больше не приходила ему в голову.

Эти слова, несомненно, расстроят бабушку. Но Чжэнь Цюн уже высказался перед императором, и Хань Мяо ни за что не позволит бабушке и Хань Ся узнать об этом от посторонних. Если бабушка будет ругать его, а брат презирать, это будет заслуженное наказание.

К его удивлению, после долгого ожидания, сидящий напротив человек не произнес ни слова. Хань Мяо сжал сердце, боясь напугать бабушку, и поспешил поднять голову. Однако он увидел выражение, которое было одновременно и тронутым, и печальным.

Увидев, что он поднял голову, старая госпожа Хань спросила:

— Это тот даос?

— Бабушка, это совсем не... — Хань Мяо сжал сердце, готовясь оправдываться.

Однако старая госпожа Хань лишь махнула рукой:

— Я знаю, это не его вина, а твоя. Я думала, когда ты наконец расскажешь мне об этом?

Хань Мяо замер, не зная, что сказать. Бабушка знала? С каких пор?

Старая госпожа Хань, редко видевшая внука в таком ошеломленном состоянии, тихо вздохнула:

— Твоя мать говорила мне об этом много лет назад.

Хань Мяо вздрогнул. Много лет назад? Он понял, что любит мужчин, только в пятнадцать лет. А его мать умерла, когда ему было семнадцать. В те годы он тщательно скрывал эту тайну. Как мать могла знать?

<http://bllate.org/book/16827/1547543>